

Миллер Орест Федорович

**Илья Муромец и богатырство
киевское**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-65

О-65 **Орест Федорович М.**
Илья Муромец и богатырство киевское / Миллер Орест Федорович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2026. – 888 с.

ISBN 978-5-519-96497-5

ISBN 978-5-519-96497-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОСВЯЩАЮ ПАМЯТИ

МОЕГО ДОРОГОГО ДЯДИ И ВОСПИТАТЕЛЯ

Ивана Петровича Миллера.

Хотя у насъ и не принято посвящать ученые труды своимъ близкимъ, а тѣмъ менѣе памяти ихъ, я рѣшаюсь такъ поступить, повинувшись влеченію чувства, руководимаго благодарнымъ сознани-емъ, что самымъ зачиномъ этого труда обязанъ я главнымъ обра-зомъ тому, чьей памяти онъ посвящается. Не кто другой какъ по-койный мой дядя положилъ на рабочій мой столъ, вскорѣ по ихъ появленіи въ свѣтъ, первые выпуски пѣсень Кирѣвскаго. Онъ своимъ вѣрнымъ и, при нѣмецкомъ имени, чисто русскимъ чуть-емъ гораздо ранѣе меня самого понялъ, какой драгоценный кладъ сохранился въ этихъ народныхъ пѣсняхъ. Я-же—сознаюсь теперь откровенно — въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ даже не раскрывалъ этихъ заветныхъ книжекъ, продолжая усердно учить-ся „гражданству вселенной“ у Шиллера или отвлеченно наслаж-даться Шекспиромъ и вовсе не воображая, что вскорѣ придется отъ нихъ перейти къ „безграмматнымъ Ильямъ Муромцамъ.“— Но не прошло и года, какъ я совсѣмъ углубился въ сборникъ Кирѣвскаго, а вслѣдъ за тѣмъ и въ первую часть сборника г. Рыбникова, и почувствовалъ, что предо мной открывается цѣ-лый, совершенно для меня новый и мною не чаянный міръ.

Нѣсколько позже попались мнѣ и первые листы „Дня“ И. С. Аксакова, и, уже подготовленный народными пѣснями, я

почуялъ и въ этихъ листахъ что-то свѣжее, новое и такое, съ чѣмъ, казалось, давно бы надобно согласиться. Читаніемъ этихъ листовъ нерѣдко наслаждался со мною и мой покойный дядя, и то вліяніе, какое производили они на него служили для меня убѣдительнымъ доказательствомъ, какою могучею силою притяженія, помимо всякой насильственной преднамѣренности, обладаетъ народность русская надъ тѣми изъ нашихъ инородцевъ, которые воспитались подъ ея вліяніемъ. Если самъ я, воспитанный совершенно по русски, оставался до той поры незатронутымъ чувствомъ русской народности, то только вслѣдствіе того односторонняго направленія въ ходѣ развитія нашей образованности, которое и до сихъ поръ еще забиваетъ въ узкій молчалинскій уголъ и многихъ природныхъ Русскихъ. Какъ бы то ни было, но то могучее чувство народности, которое вдругъ меня охватило и въ силу котораго я съ тѣхъ поръ посвятилъ свою жизнь изученію народности и родной старины,—это чувство сблизило меня короче и задушевнѣе прежняго съ моимъ дорогимъ... покойникомъ.

Ему не было суждено дожидаться окончанія труда, явившагося плодомъ совершенно новыхъ для меня занятій, а потому и плодомъ, созрѣвавшимъ медленно. Отдавая его теперь на судъ общества, но далеко не сознавая въ немъ той степени зрѣлости, какая-бъ была желательна, я буду лишенъ и того утѣшенія, которое бы доставила мнѣ живая радость при самомъ уже видѣ этой книги — того, чѣмъ подаркомъ она подготовлена и чьего благосклоннаго голоса мнѣ уже теперь не услышать....

Ноября 7-го

1869.

ОРЕСТЪ МИЛЛЕРЪ.

~~ПЕТЕРБУРГЪ.~~

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга, предлагаемая теперь вниманію общества, писалась долго. Первая ея половина, написанная уже довольно давно, впоследствии подверглась различнымъ передѣлкамъ и вставкамъ. Начата была книга еще при первомъ увлекающемъ знакомствѣ съ народнымъ эпосомъ, съ цѣлью остановиться собственно на любимомъ народомъ богатырѣ, Ильѣ Муромцѣ, и написалась бы, вѣроятно, относительно скоро подъ вліяніемъ цѣльнаго и единого впечатлѣнія, но тѣ, ссылавшіяся на неподготовленность научной почвы, недоумѣнія и сомнѣнія, которыя раздавались съ одной стороны, съ другой-же — указанія необходимости расширить кругъ, ввести въ него весь вообще народный эпосъ, только въ полномъ своемъ объемѣ достойный стать предметомъ труда, предпринимаемаго для исканья ученой степени, — все это заставило меня измѣнить первоначальный мой замыселъ. Уступая убѣдительности только что изложенныхъ доводовъ, я долженъ былъ и расширить, и вмѣстѣ съ тѣмъ углубить свой трудъ. Мало по малу я убѣдился, что необходимо обстоятельное сличеніе всѣхъ доселѣ изданныхъ пересказовъ каждой отдѣльной былины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможно полная критическая провѣрка всѣхъ сходствъ былевого нашего эпоса съ эпосомъ другихъ народовъ. На бѣду-же выходило такъ, что именно тѣ былины, которыя, по первоначальному моему замыслу, затронуты были-бы только слегка, какъ не касающіяся Ильи Муромца, а по новому, разширенному замыслу, должны были разсматриваться съ тою-же подробностью, какъ и остальные,—именно онѣ-то и представляли весьма значительное количество пересказовъ, а также и эпическихъ сходствъ

со сказаніями различныхъ народовъ. Вотъ почему глава объ этихъ былинахъ разрослась страшно и является какою-то длинною вставкою промежъ главъ, въ которыхъ всетаки главнымъ образомъ разбираются, въ слоевомъ ихъ образованіи, сказанія именно про первенствующаго между богатырями, Илью. Считаю нужнымъ предупредить объ этомъ—съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ читателей, которые приступятъ къ моей книгѣ не съ совершенно уже спеціальною цѣлью, могли, для большей цѣльности впечатлѣнія, пропустить всю огромную VI-ую главу (Владиміръ князь и женитьба его. Богатырская дружина владимірова). Съ пропусками-же, отчасти, могутъ быть читаемы и не менѣе большія главы VII и VIII. Все же остальное, начиная съ половины VIII-й главы и до конца, писано было въ теченіи послѣдняго года (или не многимъ долѣе) по одному, уже совершенно установившемуся замыслу, а потому и отличается, смѣю думать, большею цѣлостностью и ровностью.

Важною причиною долговременной моей работы надъ этою книгою было уже и то, что, приступивъ къ народному русскому эпосу, я не былъ къ тому подготовленъ даже и необходимымъ прежде всего—знаньемъ славянскихъ нарѣчій. Совершенно другія занятія, которымъ я предавался прежде (книга моя „о нравственной стихіи въ поэзіи“ была построена такимъ образомъ, что въ ней не затрагивалась ни одна изъ славянскихъ литературъ!) и тотъ отвлеченно-нравственный и художественный космополитизмъ, котораго я держался, довели меня до того, что я считалъ невольительнымъ урывать время отъ чтенія первостепенныхъ западно-европейскихъ поэтовъ, чтобы посвятить его побѣжденію внѣшнихъ трудностей языка—для ознакомленья съ какими нибудь бѣдными литературами народовъ, обреченныхъ, по тогдашнему моему пониманію, на вѣчное заимствованье у „Европы“. Конечно, я не могъ не знать и тогда уже, что богатая народная словесность Славянъ давно обратила на себя вниманье и западно-европейскихъ ученыхъ. Но занятія народной словесностью представлялись мнѣ тогда до того отрѣшѣнными отъ всякихъ живыхъ вопросовъ, что не было ни малѣйшей охоты отказываться отъ Данта или Мольера для какихъ нибудь „ископаемыхъ“ пѣсень просто-народья. Когда же пришлось отдаться со всеѣмъ усердіемъ этой „безграмотной“ старинѣ,—тогда снова пришлось усѣсться чуть не за азбуку—за давно отстраненное и позабытое чтеніе на сла-

вянскихъ нарѣчійхъ. Но не сдѣлать этого, выступить съ трудомъ по народному русскому эпосу со ссылками на нѣмецкіе переводы славянскихъ пѣсень—казалось мнѣ уже слишкомъ неуважительнымъ обращеніемъ какъ со славянской народностью, такъ и съ наукой.

Кромѣ усвоенія себѣ языка славянскихъ народныхъ пѣсень, пришлось, ради разширяемаго круга сличеній, усвоивать и языкъ средневѣковыхъ германскихъ и французскихъ эпическихъ памятниковъ. Но кругъ сравненія все разширялся—и тутъ пришлось наконецъ обращаться и къ переводамъ. Это обстоятельство, сознаюсь откровенно, много мѣшаетъ основательности и прочности выводовъ моего сравнительнаго труда. Рѣшеніе многихъ запутанныхъ и сложныхъ вопросовъ по народному эпосу возможно лишь для ученаго, — или, вѣрнѣе сказать, для совмѣстныхъ и дружныхъ усилій многихъ ученыхъ, владѣющихъ, въ равной мѣрѣ, языкомъ Старой Эдды, Авесты и Вѣдъ—съ одной стороны, а съ другой—даже различными языками не арійскаго корня, такъ какъ эпосъ народный заставляетъ разширять кругъ сравненій — по лицу всей земли....

Мнѣ остается только выразить мою искреннюю признательность тѣмъ лицамъ, которыя сообщали мнѣ неопечатанные еще данныя или-же снабжали меня различными указаніями: Е. В. Барсову, В. В. Бауеру, К. Н. Бестужеву-Рюмину, А. О. Бычкову, Я. К. Гроту, Г. С. Дестунису, А. А. Котляревскому, П. И. Лерху, Л. Н. Майкову, г. Прыжову, П. Н. Рыбникову, А. А. Шифнеру, студ. ист. фил. фак. г. Экземпларскому и др.

Особенно-же пріятно мнѣ выразить мою благодарность за прямое, непосредственное участіе въ моемъ трудѣ, студенту того же факультета П. И. Аландскому, а также и студ. дух. ак. С. И. Аландскому, принявшимъ на себя тяжелое и неблагодарное, но чрезвычайно полезное дѣло составленія указателя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ: Произведенія народнаго эпоса, какъ предметъ науки. Значеніе сравнительнаго приѣма.	Стр. I.
I. Преданіе о боѣ между отцомъ и сыномъ у различныхъ народовъ. Особенности русскаго преданія о боѣ между Ильей Муромцемъ и его сыномъ сравнительно съ германскимъ о боѣ Гильдебранда и Гадубранда	1.
II. Германскія сказанія о Гильдебрандѣ и Дитрихѣ Бернскомъ въ связи съ германскимъ богатырскимъ эпосомъ вообще. Сказаніе о боѣ между отцомъ и сыномъ въ карловингскомъ эпосѣ. Общія заключенія объ эпосѣ германскомъ.	63.
III. Былины о боѣ между Ильею и сыномъ въ связи съ былинами объ отношеніяхъ къ богатырю Святотору и объ изцѣленіи Ильи Муромца.	163.
IV. Отношенія Ильи Муромца къ Вольгѣ и Микулѣ. — Встрѣча Микулы съ Вольгою и со Святоторомъ. — Смерть Святотора богатыря.	188.
V. Первая поѣздка Ильи Муромца въ Кіевъ	254.
VI. Владиміръ князь и женитьба его. Богатырская дружина владимірова.	327.
VII. Илья Муромецъ во главѣ богатырской дружины. — Его отношенія къ отдѣльнымъ богатырямъ. — Сказаніе про Добрыню въ отъѣздѣ	451.
VIII. Богатыри заѣзжіе: Соловей Будиміровичъ, Чурило Пленковичъ и Дюкъ Степановичъ. — Отношенія Ильи Муромца къ двумъ послѣднимъ	547.
IX. Проявленія самодурства въ князѣ Владимірѣ. Его отно-	

	Стр.
шенія къ Сухану, Данилѣ Ловчанину, Ставру Годиновичу. Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ	617.
Х. Илья Муромецъ и Василій пьяница. Данило Игнатьевичъ съ сыномъ и сила татарская. Илья Муромецъ и Ермакъ. Общія заключенія о былинахъ про Татарщину	686.
ХІ. Хожденія во Іерусалимъ градъ: сорокъ каликъ со каликою. Грѣхъ княгини Апраксѣвны и проявленіе въ Кіевѣ Идолища поганого. Изведеніе Идолища Ильей Муромцемъ. Илья и князь Цареградскій	723.
ХІІ. Старость Ильи Муромца. Его три поѣздки. Противоположность между нимъ и богатырями новгородскими—со стороны ихъ отношеній къ судьбѣ. Смерть Ильи Муромца	764.
ЗАКЛЮЧЕНІЕ: кіевскій богатырскій эпосъ, какъ своеобразное цѣлое. Образовательныя задатки народнаго эпоса	802.
ПРИЛОЖЕНІЕ: <i>Узнаніе</i> . Греческая пѣсня про бой отца съ сыномъ въ переводѣ Г. С. Дестуниса	I.
<i>Дополненія и поправки</i>	III:
Указатель различныхъ эпическихъ даныхъ	V.
Указатель именъ	XI.

ВВЕДЕНИЕ:

ПРОИЗВЕДЕНІЯ НАРОДНАГО ЭПОСА, КАКЪ ПРЕДМЕТЪ НАУКИ.

ЗНАЧЕНІЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРИЕМА.

Il y a dans la poésie populaire un principe de durée, qui semble se jouer des efforts du temps.

Ville marquée, Barzaz—Breiz.

Было время, да и не такъ давно, когда даровитый критикъ, имѣвшій у насъ такое рѣшительное вліяніе, былъ въ состояніи, какъ какую-нибудь, даже не требующую доказательствъ, истину выставить мнѣніе, что «одно небольшое стихотвореніе настоящаго поэта-художника выше всѣхъ произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятыхъ.»¹⁾—Впрочемъ, мнѣніе это нисколько не помѣшало Бѣлинскому въ той же самой статьѣ высказать много мѣткихъ, и, какъ все у него, живыхъ и блестящихъ замѣтокъ о нашѣмъ народномъ эпосѣ. Но то было въ сороковыхъ годахъ, когда изученіе народной словесности находилось у насъ еще въ совершенномъ младенчествѣ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибъ Бѣлинскій дожилъ до нашей поры, то онъ бы взглянулъ на народный эпосъ и сочувственнѣе, и глубже, при чемъ, по всей вѣроятности, со своею обычною честностью и откровенностью самъ бы сознался въ перемѣнѣ своего взгляда. Только односторонній умъ или же самолюбіе самой низкой пробы не позволяютъ признаваться въ своихъ ошибкахъ, предписываетъ упорно стоять *на своемъ*, хотя бы внутренно оно уже признавалось и нами самими ложнымъ, или же, *сойдя* съ прежней точки, нагло увѣрять и себя, и другихъ, будто и прежде мы на ней не стояли. Во всякомъ случаѣ Бѣлинскій въ настоящее время, конечно, не повторилъ бы своего стараго отзыва о народной поэзіи, отзыва, въ настоящее время уже несовмѣстнаго ни съ однимъ изъ существующихъ у насъ направлений. Однако же путность народной словесности и занятій ею признана .и уже въ той

¹⁾ Полное Собраніе Сочиненій Бѣлинскаго, V, стр. 82—83.

мѣръ, что бы не показалась странною цѣлая книга о какихъ-то небывалыхъ богатствахъ, какъ предметъ *историческаго изученія* — ибо на это послѣднее прямо указываютъ выставленные выше эпиграфы. Если же они свидѣтельствуютъ о признанности именно такого рода воззрѣній на эпосъ народный какъ въ науцѣ западной, такъ и въ нашихъ ученыхъ трудахъ направленія, называсяго «славянофильскимъ», — то и до сихъ поръ еще оказывается возможнымъ въ нашемъ ученомъ мѣрѣ отрицаніе всякой связи между сказывающимися въ исторіи образовательными началами и «безграмотнымъ» Ильей Муромцемъ.

И въ самомъ дѣлѣ — прежде всего: гдѣ найти его въ цѣлости, какъ связать изъ столькихъ разрозненныхъ пѣсень — этого *Илью Муромца*? Какъ и когда возникъ въ воображеніи народа его первоначальный образъ, гдѣ въ немъ *подлинно-стародавнее*, гдѣ позднѣйшее, какъ различить это, когда наши пѣсни стали записываться не ранѣе XVIII ст.? И не представляютъ ли почти всѣ онѣ цѣлаго множества разнорѣчій?

Но вѣдь, собственно говоря, чѣмъ болѣе собрано разнорѣчій, тѣмъ для науки выгоднѣе. Надобно только желать добросовѣстнаго ихъ записыванія — записыванія даже того, что представляется какъ будто бы искаженнымъ. Въ самомъ складѣ этихъ искаженій можетъ проявляться многое, не лишнее своего рода важности для «психологій народовъ». А иной разъ, посреди этихъ часто лишь кажущихся искаженій, могутъ, по мѣрѣ накопленія разнорѣчій оказываться и выясняться драгоцѣнныя черты старины. Не дай Богъ только умничанья со стороны собирателей, не дай Богъ имъ воображать себя одаренными такимъ вѣрнымъ инстинктомъ въ распознаваніи подлиннаго и испорченнаго, какой приписываютъ себѣ иные врачи зѣ дѣлѣ опредѣленія болѣзни. Своего рода распознавательный тактъ, пріобрѣтенный долгимъ опытомъ, дѣйствительно былъ у Я. Гримма и Вука Караджича, но онъ дается не такъ-то легко, и дается не всякому. Пусть же лучше поболѣе собираютъ и съ точностію записываютъ по различнымъ мѣстностямъ.

Издатель какого нибудь древняго памятника письменности радъ радехонекъ, если ему удастся найти большое количество списковъ. Не надѣется ли онъ, при большомъ количествѣ ихъ, удачнѣе приблизиться къ подлинному, первоначальному смыслу?

Извѣстно, что и съ появленіемъ письменности, дающей возможность въ точности оберегать личную мысль отъ постороннихъ прибавокъ и искаженій, еще не съ разу является и стараніе пользоваться такою возможностью. То отсутствіе *личнаго творчества*, какимъ отличается устная словесность народа, въ продолженіи долгаго времени до извѣстной степени продолжаетъ проявляться и въ самой письменности. И помощію переписыванія усвоивал чужую мысль, съ нею обращаются еще, такъ сказать, на основаніи общности умственнаго имущества. Тутъ кое что убавить, тамъ напротивъ того прибавить кое что отъ себя, сокращать и распространять — одинаково обычно. Вотъ поэтому-то и важно теперь имѣть подъ руками нѣсколько списковъ, и рѣшительно неудобно, ежели какое либо произведеніе уцѣлѣло всего въ одномъ спискѣ. Кто можетъ поручиться, что этотъ единственный не подвергся со